

Исследовательская статья

УДК 008.009:39

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-107-125>

КСЕНОЛОГИЯ ПОРОХОВОГО ПОГРЕБА ЕВРОПЫ: ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИХОТОМИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В БАЛКАНСКОЙ МОДЕЛИ МИРА В КСЕНОПЕЙОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКОВ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА — К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Евгений Владимирович Романин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st027419@student.spbu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается отражение особенностей дихотомии «свой — чужой» в балканской модели мира в ксенологической пейоративной лексике языков Балканского языкового союза: албанского, арумунского, болгарского, новогреческого, македонского, румынского и сербскохорватского. Производится краткий обзор историко-культурной и геополитической специфики Балкано-Карпатского региона, оказавшей влияние на представления местных народов о чужаках; излагаются также некоторые традиционные мифологические воззрения балканцев, относящиеся к концептуальному полю инаковости. На основании анализа

внутренней формы слова предпринимается попытка сформулировать основные модели построения уничижительных наименований для чужаков, а затем — сравнить данные по различным балканским языкам и по мере возможностей выстроить целостный образ концепта «чужой» в балканской концептуальной картине мира. По результатам исследования ксенопейоративная лексика языков Балканского языкового союза демонстрирует значительное сходство как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания. Абсолютно преобладают пейоративы с недифференцированной оценочностью, что объясняется богатством балканской словообразовательной морфологии и большим количеством лексических заимствований в каждом из языков; широко представлены также пейоративы с указанием на внешность, особенности языка и поведения, однако первые референциально ограничены, вторые и третьи же универсальны, из чего делается вывод, что прототипический балканский чужак — это тот, кто иначе говорит и иначе ведет себя. В то же время наиболее частой мишенью для пейо-

ративной лексики в балканских языках среди всех чужаков выступают цыгане, что связано как с рядом стереотипных представлений о физических и поведенческих отличительных чертах данной этнической группы, так и с исторически сложившейся обособленностью, вызванной кочевым образом жизни и закрытостью цыганского сообщества от посторонних.

Ключевые слова: свой, чужой, Балканы, Балканский языковой союз, ксенологический пейоратив, ксенофобия

Благодарности: автор желает выразить признательность Вуку Опанчине и Дарье Мечкарь за консультации по поводу сербскохорватских и болгарских языковых и культурных особенностей.

Для цитирования: Романин Е.В. Ксенология порохового погреба Европы: отражение особенностей дихотомии «свой — другой» в балканской модели мира в ксенопейоративной лексике языков Балканского языкового союза — к постановке проблемы // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 107–125. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-107-125>

Research article

THE XENOLOGY OF THE POWDER KEG OF EUROPE: THE REFLECTION OF THE PECULIARITIES OF OWN — ALIEN DICHOTOMY IN THE BALKAN MODEL OF THE WORLD IN THE XENOPEJORATIVE VOCABULARY OF THE LANGUAGES OF THE BALKAN SPRACHBUND — ARTICULATION OF ISSUE

Evghenii V. Romanin

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
st027419@student.spbu.ru

Abstract. The article discusses the reflection of the features of the *own* — *alien* dichotomy in the Balkan model of the world in the xenologic pejorative vocabulary of the Balkan sprachbund languages: Albanian, Aromanian, Bulgarian, Modern Greek, Macedonian, Romanian and Serbo-Croatian. The author gives a brief review of the historical, cultural and geopolitical specifics of the Balkan-Carpathian region, which influenced the local peoples' ideas about strangers; some traditional mythological beliefs of the Balkanians related to the conceptual field of otherness are also presented. Based on the analysis of the internal history of the word, an attempt is made to define the main models for constructing derogatory names for strangers in order to compare the data for various Balkan languages and, to the extent possible, build an integral image of the concept of *alien* in the Balkan conceptual worldview. According to the results of the study, the xenopejorative vocabulary of languages of the Balkan sprachbund shows significant similarities both in terms of form and content. Pejoratives with undifferentiated evaluativity absolutely predominate, which could account for the richness of the Balkan derivational morphology and a large number of lexical borrowings in each of the languages; pejoratives with an indication of appearance, features of language and peculiarities of behavior are

also widely represented, however, the first are referentially limited, while the second and the third are universal, from which it is concluded that the prototypical Balkan alien is someone who speaks differently and behaves differently. At the same time, the most common target for pejorative vocabulary in the Balkan languages among all strangers is Roma people, which is bound both to a number of stereotyped ideas about the physical and behavioral distinctive features of this ethnic group, and to the historical isolation caused by the nomadic way of life and the closedness of the Roma community from outsiders.

Keywords: own, alien, the Balkans, Balkan sprachbund, xenologic pejorative, xenophobia

Acknowledgements: the author wishes to express his gratitude to Vuk Opančina and Daria Mecicari for their guidance on Serbo-Croatian and Bulgarian linguistic and cultural peculiarities.

For citation: Romanin, E. V. (2022) 'The Xenology of the Powder Keg of Europe: the Reflection of the Peculiarities of *Own* — *Alien* Dichotomy in the Balkan Model of the World in the Xenopejorative Vocabulary of the Languages of the Balkan Sprachbund — Articulation of Issue', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 107–125. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-107-125>

Введение

Дихотомия «свой — чужой» — одна из фундаментальных оппозиций в картине мира культурных сообществ. Исследование данной оппозиции с точки зрения лингвокультурологии представляет интерес на примере любой культурной группы, однако некоторые сообщества в силу своей историко-географической и этнокультурологической специфики обещают показать особенно любопытный результат. К таким сообществам, вне всякого сомнения, относятся народы, населяющие Балканский полуостров.

Балкано-карпатский ареал — один из интереснейших в культурном плане регионов Европы, но вместе с тем и один из самых проблемных на сегодняшний день с политической точки зрения. К изучению балканских культур, в том числе — к изучению оппозиции «свой — чужой» в этих культурах, так или иначе обращались многие отечественные и зарубежные исследователи. Среди прочих можно выделить имена А.В. Десницкой, Т.В. Цивьян, А.Н. Соболева, Н.Г. Голант, М. Тодоровой, Т. Стояновича и др. Ясно, что в силу куль-

турно-исторической специфики региона образ «чужого» на Балканах тоже окажется довольно специфическим.

Объект настоящего исследования — пейоративная лексика концептуального поля «чужое» в языках Балканского языкового союза (далее — БЯС). В качестве главного критерия для отнесения культуры в число балканских использовалось не физико-географическое положение (ибо Румыния, например, практически полностью находится за пределами собственно Балканского полуострова, если за его северную границу считать Дунай), а лингвистическая характеристика — принадлежность к БЯС. Наиболее веским доводом в пользу валидности такого подхода должно служить то, что объектом исследования в нашем случае является именно языковой материал — пейоративные лексемы балканских языков, тем или иным образом относящиеся к сфере дихотомии «свой — чужой» (а выявленные в итоге закономерности можно будет считать не только культурными, но и языковыми — лексическими и лексико-семантическими балканизмами). Истриотский и мегленитский языки¹ решено было исключить из рассмотрения

¹ Или — с точки зрения румынской лингвистической традиции — истрорумынский и мегленорумынский диалекты румынского языка.

по причине их недостаточной задокументированности и малочисленности носителей. Таким образом, в статье сравниваются КП семи языков: албанского, арумунского, болгарского, греческого, македонского, румынского и сербскохорватского². Предмет исследования — общие закономерности моделей оппозиции «свой — чужой» в балканских языках. Рабочей гипотезой исследования является предположение о том, что представления о чужаке, существующие в культурном сознании, материально выражаются в экспрессивной номинации для чужаков, а следовательно, опираясь на данные лексики подобного рода, можно попытаться построить модель образа «балканского чужого». Цель исследования — провести сравнительный анализ ксенологических пейоративов (далее — КП; под этим термином здесь и далее подразумевается пейоративная лексема, прямо называющая «чужого» по какому-либо из признаков либо имеющая отношение к концептуальному полю чуждости) в языках БЯС и на этом основании вывести общие и частные черты в образе «чужого» в этнокультурной картине мира балканских народов.

Научная новизна работы определяется фактом отсутствия сравнительных исследований по балканской ксенологии на материале ксенопейоративной лексики (либо нам о них ничего не известно). С теоретической точки зрения данное исследование будет интересно широкому кругу специалистов — этнографов, этнологов, культурологов, антропологов, лингвистов; прежде всего балканистов, но также и других специалистов, в чей круг научных интересов попадает дихотомия «своего» и «чужого». С практической точки зрения исследование обещает послужить более глубокому пониманию и более успешному поиску средств для решения этнокультурных и этноконфессиональных конфликтов в Карпато-Балканском регионе.

Историко-культурная и геополитическая специфика Балкано-Карпатского региона

Балканский полуостров, много сотен лет находившийся на стыке границ великих империй прошлого, обладает непростой противоречивой историей. Неслучайно его называли «пороховым погребом Европы» — несколько столетий народы Балкан находились в зависимости от Османской Порты; на протяжении всего XX в. регион сотрясали (и продолжают сотрясать в XXI в.) многочисленные этнические, религиозные и прочие конфликты; в настоящий момент наиболее острыми являются три из них: «македонский вопрос», албанский национализм и противостояние сербов и албанцев в Косове [Ламаш, 2021]. Помимо споров, связанных с принадлежностью той или иной территории (скажем, вокруг Косова или Трансильвании), можно выделить также конфликты, касающиеся вопросов идентичности. Так, например, болгарское правительство отрицает существование македонцев как отдельного этноса и македонского как отдельного языка [Кирчанов, 2021]; правительство Греции в течение многих лет на официальном уровне отрицало право Македонии на это имя, в связи с чем название государства было в итоге изменено на «Северная Македония» [Парастатов, 2010; Колосков, 2011]; шовинистически настроенные сербы не признают существования хорватов и боснийцев, считая их, соответственно окатоличенными и омусульманенными сербами, причём интересно, что исторически и среди хорватских шовинистов бытовало симметричное мнение об отсутствии какой-либо самостоятельной сербской нации и идентичности [Беляков, 2010]. Политические потрясения привели к тому, что сам термин «балканизация» в смысле дробления некогда монолитной территории на отдельные независимые образования,

² Подробнее о составе БЯС [Lindstedt, 2000, Friedman, 2008].

находящиеся в состоянии конфликта друг с другом, стал нарицательным в рамках международного политического дискурса. Наличие большого числа неразрешенных противоречий и постоянного этнополитического напряжения теоретически влечёт за собой высокую потребность в психологической защите, разрядке и как минимум в элементарной вербализации ресентимента — отсюда следует, что в балканских языках должно существовать большое количество КП, достаточное для построения на их основе модели балканского «чужого».

Подобное состояние вытекает из специфики Балканского полуострова, начиная от природных факторов и заканчивая историческими перипетиями этого края. Полуостров как географически, так и культурно находится в точке схождения Европы и Азии, отсюда общее название для территорий к востоку и западу от Босфора — *Eurasia Minor*, Малая Евразия. С другой стороны, изрезанность ландшафта — фактор изоляции, приводящий к большой культурно-языковой дробности [Соболев, 2013: 75]. А.Н. Соболев отмечает: «особенностью географических границ Балкан является их проницаемость и лёгкая преодолимость для человека» — граница там скорее не разделяет, а связывает. Соответственно в регионе отмечается сравнительно большая доступность торговых и культурных контактов.

Если говорить о региональной специфике дихотомии «свой — чужой», исследователи выделяют «характерную для балканцев открытость к чужому, лёгкость перехода и как бы изначально заложенные способности к языковым контактам, к коммуникации в сложных условиях...» [Цивьян, 1999: 99], создавшиеся в результате пестрой культурно-языковой палитры. Помимо этого, как считает Т.В. Цивьян, на Балканах «свой — чужой» в особой степени «оказываются включёнными в круг пространственно-временных оппозиций» [Цивьян, 1999: 1], а само балканское пространство характеризуется «системой нестабильных противопоставлений [...] от жёсткого бинаризма до его категорического отрицания» — суша там как бы не до конца суша, ибо полуостров с трёх сторон омы-

вается водой, а море — не совсем море, ибо испещрено многочисленными островами. Можно сказать, что это природное географическое «взаимопроникновение» противоборствующих стихий находит отражение и в культуре: как в языке (собственно, без этого взаимопроникновения не было бы смысла говорить о языковом союзе), так и в быту, в обычаях, даже в религии: скажем, албанские женщины-мусульманки наносят на тесто для хлеба изображение креста, на могилы исламских святых-дервишей приносятся в качестве подношений христианские иконы, а в одном из македонских православных монастырей имеется специально отведённое помещение для мусульман [Соболев, 2013: 135]. Все эти свойства, указывающие на зыбкость границы между «своим» и «чужим» в условиях постоянного культурного обмена, вне всякого сомнения, должны были наложить отпечаток на модель балканского чужака.

Между тем образы чужака, чужой земли, чужого языка занимают важное место в фольклорно-мифологической картине мира балканских народов, проявляясь в легендах, преданиях и приметах. Так, к примеру, у той же Т.В. Цивьян приводятся румынские поверья, связанные с чужими народами: «*армянин* (здесь и далее курсив наш — Е.Р.) — название проклятого народа. В их земле режут скотину и даже людей и бросают в пропасть дракону. В обмен на это драконы делают им драгоценные камни [...] На крыльях саранчи написано *порусски*, сколько ей лет и сколько лет она будет есть посевы» [Цивьян, 2006: 119]. Согласно верованиям румынской области Олтения, имеющим параллели у болгар и сербов, *евреи (jidovi)* населяли Землю до потопа, обладали огромным ростом и исполинской силой [Голант, 2013]. У румын и черногорцев распространены этиологические легенды о происхождении пищевых запретов среди евреев, турок, а иногда — даже венгров: якобы тот или иной народ не употребляет в пищу свинину из-за того, что когда-то кто-то из его соплеменников был превращён в свинью, отчего теперь представители данного этноса рискуют съесть своего родственника [Голант, 2012]. Представительницы «чужих» этносов вхо-

дят в состав группы демонических существ (обычно трёх), предрекающих судьбу младенца в момент его рождения, — у румын это, как правило, *венгерка* либо *еврейка* и *цыганка* (правда, иногда наряду с румынкой) [Голант, 2016]; у болгар Южной Болгарии и Добруджи демоны, в которых превращаются души умерших рожениц и беременных, называются *арменки*, *арменци*, *ерменки*, *ерменлийки* [Плотникова, 2009], те же, которыми становятся души некрещенных младенцев, зовутся *еврейче*, *помаче*, *циганче* [Трефилова, 2020: 175] — нетрудно заметить, что оппозиция «единоверец — иноверец» прямо ассоциируется с оппозицией «человек — не человек». Таким образом, в балканском народном сознании явно прослеживается связь чужака с областью нечеловеческого. Во-первых, с миром животных (причем зачастую вредных, например, с насекомыми — губителями хлебов; также примечательно, что в приведенном румынском поверье упомянута именно саранча, относящаяся к идее гетеротопии, так как прилетает, как правило, откуда-то извне). Во-вторых, с хтоническим миром и населяющими его чудовищами (и здесь уместно вспомнить о точке зрения некоторых специалистов, согласно которой ядро концепта «чужого» составляет именно образ монстра [Фуко, 2005; Романова, 2015]). Наконец, в-третьих, с миром духов и нечистой силой — при этом чужак, возможно, и сам наделяется сверхъестественными способностями. Все вышперечисленное также должно обуславливать специфику балканской ксенологии.

Методология исследования

Поиск материала производился путём обращения к толковым и этимологическим онлайн- и офлайн-словарям, а также, в случае сербскохорватского и болгарско-

го языков, путём интервью с носителями языка. Вероятно, этим и объясняется сравнительно небольшое количество найденных лексем (суммарно — 125 единиц): экспрессивная лексика с инвективным зарядом неохотно включается лексикографами в словари и не всегда охотно сообщается носителями, которые попросту стыдятся, смущаются либо желают представить свой язык в более выгодном свете; с тем же связана непропорциональность данных по языкам: так, в новогреческом языке выявлено всего 10 КП-единиц — пренебрежимо малое количество по сравнению с 48 КП, найденными в румынском³.

По выделении из лексического фонда указанных языков КП-лексики был произведён анализ заложенных в неё смыслов на основании учения А.А. Потебни о внутренней форме — о том, что строение слова свидетельствует о ходе мысли того, кто его породил, а следовательно, хранит память о мировоззрении предков нынешних носителей языка [Потебня, 1989].

Следующим шагом методологии стало разбиение КП на семантические группы с точки зрения их внутренней формы. Отечественным исследователем С.Н. Якушенковым была предложена, а О.С. Якушenkовой — детально разработана концепция трёхчастной модели образа «чужого», согласно которой тремя главнейшими составляющими или же гранями отражения чужака (маркерами чуждости) в картине мира следует считать алиментарность (пищевые пристрастия «чужого»), вестиментарность (способ одежды «чужого») и сексуальность (особенности половой жизни и брачного поведения «чужого»)⁴. Такая модель представляется структурно неполной: нетрудно заметить, что перечисленные О.С. Якушenkовой параметры можно описать одним словом — поведение, тогда как даже из самой её работы видно, что для

³ Здесь стоит оговориться, что автор неодинаково владеет исследуемыми языками — и в оценке достоверности примеров из албанского и греческого языков приходилось полагаться на переводные материалы и собственную языковую интуицию.

⁴ Якушenkова О.С. Образ чужого в гетеротопных пространствах фронта : диссертация ... кандидата философских наук : 24.00.01. Астрахань, 2014. 213 с

создания образа чужака не менее важными являются телесность и языковая характеристика.

Поэтому мы приняли решение дополнить и расширить данную трёхчастную модель и на основании того, какой именно признак положен в основу мотивировки КП, разбить материал на:

— телесные (с подмоделями «внешность» и «дегуманизация»);

— языковые (с подмоделями «фонетика», «лексика» и «ономастика»);

— поведенческие (с подмоделями «алиментарность», «вестиментарность», «сексуальность» и «другое» — в последнюю включаются все прочие особенности поведения: способы ведения хозяйства, архитектура, традиционные занятия, нравственные характеристики, не связанные с вопросами сексуальности и т.д.).

Практический этап, впрочем, показал, что и этих моделей недостаточно для полноценного анализа; по этой причине были введены следующие модели:

— гетеротопическая (связанная с идеей принадлежности чужака иному пространству, и выделенная В.Г. Лысенко [Лысенко, 2009]);

— прецедентная (связанная с прецедентными феноменами различного рода, в частности, с историческим опытом взаимодействия с представителями «чужой» группы);

— недифференцированная (мотивирующий признак невозможно выделить из-за затемнённости внутренней формы либо нерасчленённо-отрицательной оценочности, выраженной грамматически — чаще всего при помощи экспрессивного суффикса).

Мы вынуждены также обратить внимание читателя на то, что в рамках исследования не бралась в расчёт конкретная экспрессивная наполненность каждого отдельно взятого КП — в качестве материала для анализа в равной степени использо-

вались иронические, пренебрежительные и прямо оскорбительные лексемы, снабженные отрицательной коннотацией. В противном случае для уточнения результатов понадобилось бы проводить ещё и дискурс-анализ, то есть изучать каждый из примеров в контексте, что во много раз увеличило бы объём материала, вряд ли существенно повлияв на полученные результаты.

Результаты анализа

Разобравшись с методологией, перейдём непосредственно к результатам и посмотрим, какие модели и в каком количестве представлены в каждом из балканских языков.

Максимальное количество КП — 48 единиц — получено для румынского языка (в силу наибольшей доступности данных и сравнительно большей проработанности темы в румыноязычных публикациях). Из них к телесной модели относятся такие единицы, как *balaoacheș* (сложение *bălai* 'светловолосый' + *oacheș* 'чернявый' — скорее всего, ироническое) — цыган, *ciorânglav* — цыган (< слав. *черноглавъ*, но могло возникнуть и независимо на румынской почве из *cioară* 'ворона' + *glavă* 'башка', заимствованная ранее из какого-то южнославянского языка⁵), *încărbunat* 'обугленный' — цыган (ср. рус. *уголёк*, *копчёный* — негр), также с меньшей очевидностью — *bahniță* 'грязуля', вероятно, от *bahnă* 'болото, топкая грязь' — цыган и *gașper* (Каспар — один из волхвов, приехавших поклониться младенцу-Иисусу, по преданию, отличавшийся темным цветом кожи⁶) — тоже цыган. Тремя пейоративами этой группы, не связанным с цыганами, являются *șonț* 'хромой' — немец (ср. венг. *sánta*, *sántika* 'хромой'⁷; с/х., болг. *шантав* 'хромой, парализованный' — возможно, впрочем, что происходят они независимо от одного и того же источника или вооб-

⁵ Săineanu L. Dicționar universal al limbei române, ediția a VI-a. — 1929.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

ще не родственны друг другу), *parhă* 'парша' (с вариантами *parhal*, *parhal*, *harhal* и *harhar*) — еврей и *ciutac* 'обрубок' — турок (этот КП, по-видимому, отсылает к обычаю обрезания, а стало быть, должен быть отнесён и к поведенческим).

Подмножеством телесной модели следует считать дегуманизационную, к которой относятся *balaur* 'змея' — цыган (мотивированный, похоже, фонетическим сходством с *balaoacheș*), *cioară* 'ворона' — цыган, реже негр, *cioroi* 'воронище, большая ворона, самец вороны' (но не ворон — рум. *corb*)⁸ — цыган; *coțofană* 'сорока' — цыганка (мотивирующий признак тут скорее поведенческий, но факт дегуманизации имеет место), *gărvan* (< болг. *гарван* 'ворон') — цыган (ср. *cioară*, *cioroi*), *graur* 'скворец' — цыган, *cioropină* (*cioroi* + *arapină* 'арап' + увеличительный суффикс *-ină*, согласно этимологии, приводимой А. Скрибаном⁹) — цыган. Как можно убедиться, в основном происходит уподобление различным птицам с тёмным оперением, преимущественно из семейства врановых, основанное на приписываемом цыганам сходстве с ними во внешности и поведении.

Языковая модель представлена КП, указывающими на стереотипные имена: *honț* — от «Ганс» — трансильванский саксонец, *iuhman* — еврей — по-видимому, воспроизводит стереотипное звучание ашкеназских фамилий на *-ман*¹⁰; использованием автоэтнонима в качестве отрицательно-окрашенной номинации: *poleac* — поляк (нейтрально — *polonez* либо устаревшее *leah*); указание на особенности звучания акцента: *maldafan* — молдаванин (молдаван считают «русифицированными румынами», отсюда утрированное отражение русского акцента — безударные /о/ заменены на /а/; нейтральный же эт-

ноним пишется *moldovean*); подражание звучанию языка, характерным фразам: *danci* — цыганенок (< цыг. *dan ci* 'дай мне что-нибудь'); *ragpales* (вероятно, 'заика': внутренняя форма затемнена, но, скажем, А. Скрибан усматривает здесь подражание косноязычному иностранному произношению¹¹) — грек, особенно бродячий торговец (ср. рус. *офеня* — согласно одной из версий, происходящего от названия города Афины). Возможно, сюда же относится *bozgor* — венгр, если верна этимология от *boscorodi* 'ворчать, бормотать' (венгерский язык непонятен для румыноязычных) или версия венгерского историка Ш. Силадьи, который предполагает, что это слово представляет собой композит венгерского ругательства *baszd meg* (буквально «отымей меня») и румынского нейтрального этнонима, обозначающего венгра (*ungur*), а также, вероятно, многочисленные единицы с затемнённой этимологией: *ștronț* — немец, венгр; *șoangher*, *șoanghină*, *boanghen* (если только это не славянизм от *жгринь*, *вагринь*) — венгр — всё это могут быть подражания звучанию непонятого языка.

К поведенческим КП относятся алиментарные: *broscar* 'лягушатник', *macaronar* 'макаронник' — итальянец, *orezar* 'рисовод, рисоед' — азиат, по преимуществу китаец, *pilafgiu* 'пловодел' — турок (последние два КП представляют собой совмещение алиментарной и деятельностной модели). К вестиментарным недвусмысленно можно отнести лишь *șalvaragiu* 'шароварник' — турок; из прочих сюда относится уже неоднократно упомянутое *bozgor*, если верить наиболее правдоподобной версии его происхождения от диалектного произношения венг. *bocskor*, что означает определённый вид обуви без подошвы, в которой ходили балканские пастухи [Brubaker, 2006], и другой упоминавшийся уже этно-

⁸ Суффикс *-oi* совмещает в себе аугментативное, маскулитивное (с его помощью образуются наименования самцов животных: *pisoi* 'кот', *broscoi* 'самец лягушки', *lebedoi* 'лебедь' etc.) и общепейоративное значение.

⁹ Scriban A. Dicționarul limbii românești. — Iași: Presa Bună, 1939.

¹⁰ У А. Скрибана приводится версия происхождения от нем. ругательства *Jauchemann* 'навозный человек' (золотарь?) — однако здесь неочевидна связь с евреями. Также для данного КП следует отметить, вероятно, вторично возникшее значение «чёрт, вампир».

¹¹ Scriban.

ним *coțofană* — цыганкам, как и сорокам, приписывается преувеличенная любовь к блестящим украшениям и вообще дурной вкус. На другие особенности поведения и характера указывает лишь то же *coțofană* (цыганам, как и сорокам, приписывается страсть к воровству) и, возможно, *cioropină*, которое, по нашей догадке, может быть искаженным *cere-râine* 'проси-хлеба' (ср. *danci*, а также семантически и структурно сходный вариант в разделе, посвящённом арумунскому языку). К обычаям и традициям отсылает упоминавшееся ранее *ciutac*.

Чистых примеров гетеротопической модели в румынском почти не нашлось. В сочетании с прецедентной её можно обнаружить разве что в КП *faraon* — цыган (отсылает как к народному поверью о происхождении цыган из Египта, так и к конкретному эпизоду библейской истории — цыганам приписывается родство с войском того самого фараона, который утонул в водах Красного моря, преследуя евреев). Другим весьма условным исключением здесь может считаться вышеуказанное *bozgor*. Среди неспециалистов широко распространено мнение, что данный этнопейоратив якобы переводится с венгерского как «человек без родины» или «без страны»¹². Несмотря на свой явно мифический характер («человек без родины» по-венгерски — *hazátlan ember*, «человек без страны» — *hontalan ember*) эта версия в любом случае заслуживает упоминания, так как данное представление само по себе является важной частью картины мира тех, кто словом, собственно, пользуется. Стоит отметить, что эта мифологема относится к давнему спору румынского и венгерского историко-мифологических нарративов о том, кто из двух народов первым занял Семиградье, тем самым получив историческое право им владеть, в частности, к тому, что венгры — это якобы кочевники, пришедшие откуда-то из диких азиатских степей и лишённые

собственной территории [Лучканин, 2014]. Другая ненаучная версия прямо выводит *bozgor* из турецкого *bozkır* 'степь'. Таким образом, обе эти фольк-этимологии, хотя и не имеют ничего общего с реальным происхождением слова, тем не менее отражают существующие в румынской концептуальной картине мира представления о чужаках-мадьярах как о пришельцах извне, с территории бескрайних равнин Центральной Азии.

Наконец, многие КП-единицы румынского языка не поддаются анализу на синхронном срезе, так как заимствованы из каких-то третьих языков, скажем, *pet* — чех, заимствование из нем. *Böhm* [Борисов, Пилипенко, 2020]; *șoacăț* — немец или венгр, заимствование из с/х. *шокац* (см. ниже); *liftă* — католик, скорее всего, от искаженного «Литва»; *hahol* — украинец (< рус. *хохол*), *cifut*, *jidov*, *jidan*, *târtan* — различные пейоративные обозначения для евреев, заимствованные соответственно из турецкого, старославянского и немецкого языков (последнее из них само по себе обладает любопытной этимологической историей, так как происходит от немецкого *Untertan* 'подданный'¹³: первоначально оно, по-видимому, эвфемистически подразумевало евреев — подданных австрийской монархии, которой исторически принадлежала Трансильвания, однако ничего не сообщает об образе чужака), либо не несут значимой информации для исследования, так как уничижительное значение выражено в них недифференцированно, при помощи уменьшительного, увеличительного или просто общепейоративного суффикса (*bulgăroi* — болгарин, *grecoței*, *grețușor* — грек, *negrotei* — негр, темнокожий, *nețălău* — немец, *rusnac* — русский, *papistăș* — католик).

В болгарском языке удалось выявить 19 пейоративных лексем, имеющих отношение к полю «чужого»¹⁴. КП с указанием внешности не фиксируются, дегумани-

¹² Dicționar explicativ al limbii române. — URL: <https://dexonline.ro>

¹³ Ibid.

¹⁴ Речник на българския език. — URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>

зации пока тоже наблюдать не удалось. Единственное, что как-то можно сюда привязать, это *мангал* — цыган с вариантами *манго* и *мангасар*. Скорее всего, эта лексема относится к языковой модели, но носители языка связывают это уничижительное прозвище со словом «мангал» в значении «жаровня» с обоснованием: мангал — это нечто закопчённое, тогда как стереотипный образ цыгана подразумевает черноту и грязь (ср. рум. *încărbunat*).

К языковой модели относится *дойчовец* — немец (от самоназвания *Deutsch*), а также, возможно, *музык* — русский, представляющее собой заимствование из русского языка.

К алиментарной модели однозначно относится *жабар* ‘лягушатник’ — итальянец и *мамализгар* ‘мамалыжник’ — румын; к вестиментарной — *фес* ‘феска’ и *пискюл* ‘кисточка’ — турок (характерные элементы традиционного турецкого национального костюма). Сексуальная модель фиксируется среди политических пейоративов и представлена одним примером: *гербераст* — член или сторонник националистической партии *ГЕРБ* + *педераст*. К поведенческим, фиксирующим религиозные обычаи, следует отнести *рязан* ‘обрезанный’, *рязан пищов* ‘обрез, короткоствол’ — турок; *катунар* ‘таборщик’ — цыган — указывает на кочевой образ жизни; *апаш* (в смысле «жулик») с тем же референтом [Lesnichkova, 2020] демонстрирует стереотипно приписываемую цыганам склонность к воровству.

Исторически-прецедентная модель имеет в основе этнонимы и катойконимы, когда-то бывшие вполне нейтральными, но со временем приобретшие отрицательную коннотацию: *византиец*, *фанариот* — грек (эти два КП содержат импликацию лицемерия и коварства¹⁵, однако из их внутренней формы это никак не следует), *арнаутин* — албанец, *прусак* — немец.

К недифференцированным относятся заимствования: *цифут/цифутин* — еврей

(< тур. *çifut*), *рашгн* — русский и *джипси* — цыган (< англ. *Russian* и *Gypsy*). Здесь с некоторой натяжкой можно было бы говорить о языковой модели, но даже если это и так, проявляется она очень косвенно, через иностранное звучание самой лексемы.

В сербскохорватском языке (поскольку набор пейоративной лексики один и тот же, было принято решение не разделять здесь его на сербский, боснийский, хорватский и черногорский) выявлен 21 КП, немалая часть которых имеет отношение к внутриюгославским этноконфессиональным конфликтам.

Дегуманизационная модель телесной модели представлена КП *товар* ‘осел’, употребляемым по отношению к далматинцам — по-видимому, с коннотацией «работой скотины» (см. далее *шкунтур*).

Языковую модель можно наблюдать на примере КП *шунтар* — албанец, происходящем от автоэтнонима *shqiptar*; очевидно, к этой же группе следует отнести лексему *балија*, применяемую по отношению к туркам и югославским мусульманам (бошнякам) и происходящую, по-видимому, от османского личного имени (тур. *Bâli*), которое, в свою очередь, происходит от арабского *بالي* (*bâli*, ‘изношенный, ветхий’)¹⁶. Кстати говоря, сам этноним бошняк воспринимается частью носителей как пейоративный, поскольку ошибочно связывается с тур. *boş* ‘ничто, ничтожество’.

КП с алиментарной моделью представлены тем же самым жабар с тем же референтом «итальянец»; КП с сексуальной моделью — лексемой *козојѐб* — албанец, босниец, также, по-видимому, вообще мусульманин; общеповеденческая (в данном случае — деятельностьная) модель — КП *коњушар* ‘конюх’ — хорват или словенец (возможно, с импликацией «прислужник» — словенцы и хорваты воспринимаются как предавшие православие и свободу и пошедшие в услужение к католикам-Габсбургам, те, кто, согласно сербской поговорке, *мења веру за вечеру*,

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Викисловарь — многоязычный открытый словарь. — URL: <https://wiktionary.org>

то есть променяли веру на ужин), *шуктор/шуктур* (аллегроя форма от *егзекутор* 'исполнитель [какой-либо грязной работы], австрийский прислужник, подхалим')¹⁷ — далматинец и *чергар/чергаш* 'палаточник' т.е. не имеющий постоянного пристанища, бродяга, скиталец — цыган.

Важную роль у народов бывшей Югославии играют всевозможные исторические обиды, что приводит к важному положению исторически-прецедентной модели: среди сербов к хорватам применяется прозвище *усташа* (усташи — хорватская фашистская ультраправая организация, действовавшая с 1929 по 1945 гг.), тогда как сербы среди хорватов и боснийцев именуется *четници* (ед. *четник* — по названию национал-монархических сербских ополченческих формирований первой половины XX в.). Также к прецедентным могут быть отнесены такие единицы, как *шваба* — немец, австриец, *шокац* (от немецкого диалектного произношения этнонима *Sachse* 'саксонец') — немец, также католик, *влах* (в значении «иноземец, иноверец»: католики-хорваты называют так православных, мусульмане-боснийцы — всех вообще христиан) и *латин* — католик.

Наконец, к недифференцированным КП относятся суффиксально образованные *црнчуга* (негр от *црни* — чёрный; КП содержит указание на телесную особенность — цвет кожи, однако носителем оценочности следует, наверно, полагать именно суффикс, ср. *љенчуга* 'лентяй') и *србенда* (серб вообще и сербский ура-патриот в частности)¹⁸, а также заимствованные из третьего языка *бодул* — далматинец (< ит. *bodolo*)¹⁹, *габель* — цыган (< алб. *gabel* — см. ниже), *чифутин/чивутин* — еврей (< тур. *çifut*) и *каур* — неверный, немусульманин, ср. рус. *гяур* (< тур. *gâvur*)²⁰.

Особо стоит выделить лексику *потурица/потурченик/потурчењак* — потурченец (человек, принявший ислам и таким образом «ставший турком»), которая находится вне выделенных моделей, эксплицитно указывает на акт смены идентичности, при этом к такой смене демонстрируется явно отрицательное отношение, а конфессиональная идентичность прямо увязывается с этнической (мы считаем, что эта особенность чрезвычайно важна для понимания сербской картины мира).

В македонском набор схож, с одной стороны, с болгарским, а с другой — с сербскохорватским языком и насчитывает 9 единиц. Заметна та же алиментарная модель, представленная той же самой лексемой *жабар* (с тем же референтом «итальянец»). К языковой модели относится *шинтар* (албанец — ср. в с/х.) и производное от него *шинец*, а также, вероятно, *манга* (цыган — ср. в болгарском, также в зависимости от этимологии, может быть отнесён к телесной) и не всегда воспринимающийся как обидный этноним *цинцар* — аромун, происходящий либо конкретно от аром. *tsintsi* 'пять', либо от общего впечатления от звучания аромунского языка, переполненного сочетаниями [tʃi], [tʃe] в тех позициях, где в других балканороманских языках обычно произносится [ʃi], [ʃe] либо [ji], [je]²¹. К гетеротопической модели, вероятно, стоит отнести КП *ѓуптин* ('египтянин', т.е. цыган — по происхождению аналогично англ. *gypsy* и рум. *faraon*). К недифференцированным следует относить суффиксальные образования: знакомое по сербскохорватскому *црнчуга* с тем же значением и политический КП *комуњар* — коммунист, а также *јенки* 'американец' — очевидный англицизм (ср. рус. *янки*)²².

¹⁷ Српски дијалектолошки зборњик. Књига LXII. Расправе и грађа. — Београд: Српска академија наука и уметности и институт за српски језик САНУ, 2015.

¹⁸ Автор считает целесообразным включение данного КП в материал для исследования, поскольку его референт относится к полю «чужого» как с точки зрения хорватов и боснийцев (являясь этническим), так и с точки зрения сербов, не разделяющих ура-патриотические убеждения (являясь политико-идеологическим КП).

¹⁹ Hrvatski jezični portal. — URL: <https://hjp.znanje.hr>

²⁰ Речник српскога језика. Измењено и поправљено издање. — Нови Сад: Матица Српска. — 2011.

²¹ Capidan Th. Aromâniî. Dialectul aromân. — Bucureşti: Academia Română, 1932.

²² Дигитален речник на македонскиот јазик. — URL: <http://drmj.eu>

Для албанского языка (13 единиц) фиксируется наличие телесной модели (*manga* — цыган: ср. болг., макед.), алиментарной модели (*zhabar* ‘жабоед’ — итальянец; возможно, что и готовое заимствование из какого-нибудь соседнего славянского языка, однако внутренняя форма явно ощущается носителями за счёт наличия в албанском слова *zhabe* — собственно, ‘жаба’), общеповеденческой модели (*cergar/cergatar* ‘палаточник’, странник — цыган; *gabel* ‘обманщик’ — цыган²³) и недифференцированных суффиксальных образований (*grekoman* — грек, *turkoshak* — турок) и заимствований (*jenki* — американец). Из суффиксальных образований, впрочем, небезынтересна для рассмотрения лексема *shipuc* (буквально ‘албанчик’, но на практике обозначающая албанофоба — чаще всего из числа сербов или македонцев). Этот КП представляет собой фонетически искажённую версию автоэтнонима *shqip*; но с выпавшим [с] (на письме — *q*), как в южнославянском уничижительном этнониме *shunтар* (который был заимствован из албанского *shqiptar* и вошёл в сербскохорватский как *shhunetar*, но данная форма стала архаизмом, форма же без *h* воспринимается как уничижительная самими албанцами) в соединении с диминутивным суффиксом *-uc*. Ещё один сложный и неоднозначный случай демонстрирует КП *viç* ‘телёнок’ — серб, черногорец. На основании буквального значения внутренней формы его следует отнести к дегуманизационным, однако это *-viç* представляет собой намёк на распространённое окончание сербских фамилий *-вич* (с/х. *-вић*) и конкретно на Слободана Милошевича, то есть данный пейоратив обладает также признаками языкового и исторически-прецедентного. Кроме того, *viç* используется с независимо возникшим пейоративным значением «глупец, неда-

лекий человек» и, возможно, вызывает соответствующие ассоциации, но здесь их очевидно, не стоит брать в расчёт по причине вторичности. Для цыган отмечается лексема *arixhi* ‘медвежий вожак’, которая должна быть внесена в графу общеповеденческих КП. Также по отношению к цыганам в албанском употребляются КП *katal*, *kurbat* (турецкого происхождения) и *magjup/maxhup* с затемнённой внутренней формой: о первом сложно сказать что-то определённое, второе, согласно М. Койновой, вероятно, имеет отношение к идее изгнанничества (тур. *gurbet* ‘чужбина’) ²⁴ и, стало быть, говорит о наличии гетеротопической модели, третье же как-то связано либо с приписываемым цыганам египетским происхождением, либо с предполагаемыми магическими способностями — таким образом, его следовало бы отнести либо к гетеротопической, либо к поведенческой модели, однако наиболее осторожным решением будет оставить его среди недифференцированных. В заключение стоит отметить, что знакомое нам по другим балканским языкам слово *çifut* имеется и в албанском, но не несёт какой-либо отрицательной окраски ²⁵, а стало быть, выходит за рамки нашего предмета исследования.

Для аромунского языка (11 единиц) отмечается физическая модель (*subtsāri* ‘худые, тонкие’, *limbā-subtsāri* ‘тонкий язык’ — греки, *groshi* ‘толстые’ — болгары, *lāvoshi* ‘грязные’ — сербы), алиментарные (*macaronari* ‘макаронники’ — итальянцы) и общеповеденческий КП *purintsā* ‘язычники’ — помаки. Кроме них, также *zdaŋgaŋi* с не совсем ясной внутренней формой — болгары и/или македонцы (в румыноязычном источнике указан перевод этого этнонима как «mojic» — «мужики» в смысле «деревенщина»). Для греков, подобно албанскому, используется прозвище *gricumani*.

²³ Согласно альтернативной версии, которую приводит М. Койнова это слово — буквально значит «чужак, иноземец» и восходит к некоему неназванному «средиземноморскому корню», вероятно, через латинское посредство. В данной работе мы придерживаемся другой версии как более прозрачной, однако считаем необходимым привести также и эту (Koinova M. Minorities of Southeast Europe: Roma of Albania // CEDIME-SE, 2000. — URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/46231/Koinova_RomaofAlbania.pdf?sequence=1&isAllowed=y).

²⁴ Ibid.

²⁵ Fjalor i gjuhës shqipe (ASHSH 2006). — URL: <https://fjalorthi.com/>

Эпитеты «тонкие» в отношении греков и «толстые» в отношении болгар любопытным образом перекликаются со строками Михая Эминеску (румынского поэта эпохи романтизма, одного из пантеона «отцов нации» и наиболее мифологизированных историко-литературных фигур [Кирчанов, 2016]): «Și apoi în sfatul țării se adun să se admire // *Bulgăroi cu ceafa groasă, grecotei cu nas subțire...*»²⁶: «А потом в государственном совете собираются покрасоваться // *Болгарыше с толстым затылком, грекотей с тонким носом...*» (перевод подстрочный — в существующем поэтическом переводе И. Миримского данный момент опущен). Похоже, представление о какой-то особой тонкости черт лица у греков и полноте у болгар является если не константой, то, по крайней мере, устойчивым стереотипом среди восточнороманских народов. Также П. Папахаджи²⁷ приводятся несколько этнонимов, употребляемых по отношению к цыганам — о них не указано «прозвища» (*porecle*), однако по своим семантическим признакам это именно КП: *fusari* ‘веретенники’, *ursari* ‘медвежьи вожаки’, *tsirăpânj* (у Папахаджи дано в дакорумынской орфографии — *Țirăpînj*) — буквально ‘проси-хлеба’ т.е. «попрошайки»²⁸; все эти лексемы следует отнести к общеповеденческой модели.

Для новогреческого языка (10 единиц) фиксируется наличие общеповеденческой модели среди политических КП (*Κατοαπλιάς* ‘вор, грабитель’ — боец ЭЛАСа, Греческой народно-освободительной армии²⁹), в основном же доминирует исторически-прецедентная модель и недифференцированные КП. К первой можно отнести КП *Αράπης* с вариантом *αραπάκι*, осложнённым уничижительным суффиксом, ‘арап’ — негр; араб (тур. агар; примечательно тем, что помимо реального референта означает также

некоторое сверхъестественное существо, которым пугают детей)³⁰, *Αγαρηνός* ‘агарянин’ — турок, араб (по-видимому, вообще мусульманин), *Φράγκος* ‘франк’ — католик и производный от него *Κουτόφραγκος* ‘тупой франк’ — западноевропеец (очевидно, по преимуществу турист — ср. исп. *guiri*), ко второй же — *Αμερικανάκι* ‘америкашка’, *Ελληναράς* ‘гречище’ — великогреческий шовинист³¹ и *Τουρκαλάς* — турок. Особняком стоит *Καράγυφτος* — цыган, в котором пейоративная коннотация передана приставкой турецкого происхождения со значением «чёрный», однако в греческом эта приставка приобрела общеочечное значение, например, *καρμπούτανα* — ‘проститутища’, то есть данный КП тоже скорее следует отнести к разряду недифференцированных. Вышеуказанное *Αράπης* может быть дополнено производным от него *Σκυλάραπας* ‘сучий арап’ (*σκύλα* ‘сука’), который можно было бы записать в дегуманизационные, однако это, судя по всему, такая же десемантизированная обобщенно-пейоративная приставка, как и *καρα-*. Говоря о греческих пейоративах, нельзя не отметить нейтральный на первый взгляд термин *Σκοπιανός* ‘скопьянец (житель Скопья)’ [Колосков, 2011], не попадающий ни под одну из моделей и применяемый в качестве уничижительного названия для всех македонцев вообще — тем самым подчёркивается отсутствие у них какой-либо преемственности с античной Македонией и исторического права на это имя (в качестве параллели можно вспомнить КП *московит*, которым некоторые националистически настроенные жители Украины именуют русских, имея в виду, что право на топоним «Русь» на самом деле якобы принадлежит Украине).

При сравнении КП-фонда разных языков БЯС в глаза бросаются следующие осо-

²⁶ Eminescu M. Scrisoarea a III-a. — URL: https://www.mihaieminescu.eu/opere/poezii/scrisoarea_III.html#.YoPabIRBzIU

²⁷ Papahagi P. Numiri etnice la Aromâni. — București, 1925.

²⁸ Ibid.

²⁹ Викисловарь.

³⁰ Dictionary of Standard Modern Greek. — URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?lq=%CE%91%CF%81%CE%AC%CF%80%CE%B7%CF%82&dq=

³¹ Мотив включения в материал КП *Κατοαπλιάς* и *Ελληναράς* аналогичен приводимому ранее КП *србенда*: референт является чужаком по отношению к носителям греческого, не разделяющим его политические убеждения.

бенности:

— наличие формально и семантически совпадающих элементов (как в близкородственных — с/х. и макед. *црнчуга, шинтар*, — так и в отдалённо-родственных языках: ср. алб. и с/х. *габель/gabel, чергар/цегар*, макед., болг. и алб. *мангал/манга/manga*, с/х., макед., болг. и алб. *жабар/зхабар*, с/х., макед., болг. и рум. *цифут/cifut*);

— наличие общих ареальных поверий о происхождении иных народов (гр. *Καράυυφτος*, макед. *џуптин* и рум. *faraon*) и стереотипов (алб. *arixhi* и аром. *ursar*), в том числе не совпадающих со стереотипами, бытующими в других культурных регионах (например, с/х., болг., макед. и алб. *жабар/zhabar*, рум. *brosca* говорят о том, что поедание лягушек приписывается не французам, а итальянцам);

— малая представленность сексуальной модели по сравнению, например, с данными русского и английского языков (это можно объяснить пуританством местных лексикографов, так как в балканских культурах по-прежнему сильно традиционное мышление, лексемы же данной семантической группы, если таковые имеются, несут, должно быть, особую степень табуированности).

Таким образом (на текущий момент — с новыми данными неизбежно будут и новые цифры) можем наблюдать, что наиболее часто встречаемыми моделями в пределах БЯС являются языковая (6/7) и общеповеденческая (6/7), несколько уступает им алиментарная (5/7), несомненным лидером же оказываются телесная (7/7) и недифференцированные КП (7/7, в основном разного рода суффиксальные образования с обобщенно-отрицательным значением — неудивительно, так как все балканские языки обладают богатой словообразовательной морфологией, а также заимствования — что опять-таки не является таким уж большим сюрпризом, учитывая высокую степень языкового синкретизма в рамках БЯС). Сексуальная (1/7), гетеротопическая (3/7) и прецедентная (4/7) модели представлены относительно

слабо. Наблюдается, впрочем, асимметрия относительно представленности моделей в языках Балкан и широты охвата номинируемых групп: языковая и общеповеденческая модели по сравнению с телесной обладают большей универсальностью, так как применимы к обширному кругу референтов, в то время как телесная — преимущественно (за редкими исключениями) к единственному этносу.

Среди недифференцированных пейоративов, тем не менее, интересен пласт турецких заимствований (например, *цифут/cifut*), так или иначе имеющийся во всех балканских языках (по словам И.А. Седаковой, «наличие турцизмов — существенная черта словарей всех языков, входящих в балканский языковой союз. Изучение турцизмов, по мнению многих учёных, является одной из самых актуальных задач балканистики» [Седакова, 2014]). Сам по себе этот пласт с точки зрения внутренней формы ни о чём не свидетельствует, поскольку у заимствований в языке-реципиенте редко когда можно говорить о наличии вообще какой-либо внутренней формы, — однако вписывается в существующую тенденцию: среди пейоративов в балканских языках много тюркизмов, часто нейтральное слово автохтонного происхождения имеет тюркский синоним с экспрессивной составляющей (ср. рус. пару *голова — башка*), и, может быть, само тюркское происхождение, таким образом, можно трактовать как маркер отрицательной коннотации. По мнению ряда специалистов, это действительно так: как пишет, например, Н.И. Стоянова, о болгарском языке, «большой частью турцизмы осознаются носителями языка как иностранные слова и не употребляются в литературном языке. Часто они используются как средство выражения особого, пейоративного отношения» либо «для создания особой экспрессии, шутливо-иронического тона»: например, в значении «разрешение, удостоверение» болгарин может использовать тюркизм *тапия*³² [Стоянова, 2007] — по-

³² Стайнова М. За пейоризацията на турцизмите в българския език. // Български език. — 1964. — № 3. — с. 183— 186.

добно тому, как русскоязычный в подобном случае может сказать *аусвайс*.

Неожиданно слабо оказалась представлена дегуманизация — даже в отношении народов, с которыми имели место вооруженные конфликты; принимая во внимание отмеченную в мифологической картине мира балканских народов связь чужака с понятиями хтонического и потустороннего, теоретически следовало бы ожидать появления дегуманизации демонического типа, то есть уподоблений сверхъестественному существу — однако, к нашему удивлению, таковой тоже не наблюдается. Исключение, как и в случае с пейоративами, связанными со внешностью, составляют лишь немногочисленные прозвища для цыган (рум. *cioară, coțofană, balaur*) и изолированный албанский этноним *viç* с многослойной семантической структурой. Как нам представляется, это кажущееся несоответствие можно объяснить тем, что мифологические представления относятся к области архаики, пассивного слоя концепта, если пользоваться терминологией Ю.С. Степанова³³, тогда как употребляющиеся в языке КП хоть и отражают в некотором смысле мифологическое мышление, но в большей степени опираются на синхронные представления, т.е. активный слой концепта.

Существенной проблемой для отнесения того или иного КП к одной конкретной модели оказалась своего рода «лексическая синтетосемия», то есть тенденция к совмещению в одном и том же слове (или даже корне) нескольких взаимосвязанных мотивирующих признаков. К примеру, румынский КП *coțofană* содержит в себе одновременно уподобление животному (дегуманизацию, т.е. проявление телесной модели), нравственно-поведенческую характеристику и указание на вестиментарный паттерн — по этой причине данный этнофолизм попадает сразу в три строки таблицы, тем самым осложняя статистические подсчёты.

Ещё одной, даже более существенной, проблемой является недостаточная задо-

кументированность (а некоторых языков, например, аромунского, это касается не только в отношении КП, но и лексики в целом) — отсюда ограниченность данных, с которыми приходится работать. Скажем, данные по аромунскому взяты из одного-единственного труда П. Папахаджи, и вывод здесь может быть лишь один — необходимость дальнейших исследований, в том числе (и даже главным образом) — полевых.

Подобный результат — многочисленность телесных пейоративов, но узконаправленность самой модели по сравнению с алиментарной и общеповеденческой — может иметь следующе объяснение. Образ жизни у балканских народов примерно одинаковый (когда-то одни были преимущественно полукочевыми пастухами, другие — оседлыми земледельцами, третьи — рыбаками, торговцами и мореплавателями, однако со временем этносы всё больше перемешивались, перенимая друг у друга хозяйственный уклад и быт), внешность — тоже более-менее схожая за счёт большого числа межэтнических браков (исключение, как в плане образа жизни, так и в плане внешности, составляют цыгане — и надо ли удивляться, что именно они и являются референтами большинства телесных и поведенческих пейоративов!). Получается, что ключевыми факторами разделения становятся язык, религия (и связанные с ней обычаи — хотя они тоже проявляют высокую степень синкретизма), кухня и разного рода исторические обиды (прецедентная модель, как правило, связана именно с ними, ср. пару *усташе — четници*), а прототипический балканский чужак — это тот, кто иначе выглядит, иначе ведёт себя, иначе живет, молится и питается, но прежде всего — иначе говорит.

Выводы

Исследование образа «чужого» в картине мира балканских народов на основе сравнительного анализа внутренней формы КП, употребляемых в соответствую-

³³ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — Москва: Академический проект, 2004. — 989 с.

щих языках, показало, что наиболее часто применяемым моделями являются (по возрастающей) общеповеденческая, алиментарная, языковая, телесная и недифференцированная, а следовательно, прототип чужака в балканской картине мира — это, с одной стороны, тот, кто иначе выглядит, а с другой — тот, кто иначе говорит и поступает, причём последняя из этих моделей гораздо более активна по количеству референтов. Вероятно, это связано с тем, что в условиях чересполосного проживания, межэтнических браков, заимствования друг у друга элементов костюма, обычаев, кухни и образа жизни язык оставался одним из самых мощных идентифицирующих факторов, по которым одна общность могла противопоставить себя другой (исключением здесь выступают народы бывшей Югославии, говорящие фактически на одном идиоме — конкретно между ними на первое место вышла бы прецедентная модель). Наиболее же важным референтом, «значимым иным», если судить по количеству пейоративов, следует считать цыган (а вовсе не турок, как мы предполагали изначально) — именно цыгане долгое время

жили в Балкано-Карпатском регионе, не смешиваясь с другими народами, сохраняя отличный от соседей внешний облик, свой особенный (кочевой) уклад и практикуя поведение, порицаемое с точки зрения оседлых народов. Сказалась здесь, несомненно, также многовековая закрытость цыганского сообщества от посторонних, в связи с чем реальные представления об их образе жизни во многом оказались замещены мифами.

Наши выводы можно охарактеризовать как предварительные, с появлением нового материала либо более однозначной системы классификации их оценка, скорее всего, изменится в ту или иную сторону. И всё же мы выражаем надежду, что данное исследование если и не поспособствует смягчению этнополитического напряжения на Балканах (полагать так было бы слишком наивно и самонадеянно), то как минимум сделает его корни более понятными, а дальнейшее развитие этнополитической ситуации в регионе — более предсказуемым, а стало быть — более управляемым.

Список условных сокращений:

Алб. — албанский язык, англ. — английский язык, аром. — арумунский язык, болг. — болгарский язык, БЯС — Балканский языковой союз, венг. — венгерский язык, гр. — греческий язык, ед. — единственное число, ит. — итальянский язык, КП — ксенологический пейоратив, макед. — македонский язык, мн. — множественное число, нем. — немецкий язык, рум. — румынский язык, рус. — русский язык, с/х. — сербскохорватский язык, тур. — турецкий язык, цыг. — цыганский язык.

Список литературы:

Беляков С.С. Сербы — «чужак» № 1 // Вопросы национализма. — 2010. — №3. — С. 128-140.

Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 459. — С. 15-26. <https://doi.org/10.17223/15617793/459/2>

Голант Н. Библиейские сюжеты в румынском фольклоре и мифологические представления румын о евреях // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. — Москва: Издательство Пробел-2000, 2013. — С. 220-226.

Голант Н. Обычаи, обряды и образ жизни евреев в зеркале румынских мифологических представлений // "Старое" и "новое" в славянской и еврейской культурной традиции. — Москва: Издательство Пробел-2000, 2012. — С. 314-323.

Голант Н.Г. Мифологические представления румын Олтении и Мунтении (по материалам экспедиций в вылчу, Горж, Мехединць и Буззу) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. — 2016. — Т. 12, № 3. — С. 27-40.

Кирчанов М.В. «Культура незнания» как форма исторического воображения и политической культуры русского и болгарского национализма // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 357-366. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-3-357-366>

Кирчанов М.В. Воображая Румынию пространственно и телесно: «Национальный локус» и «Национальное тело» как изобретаемые традиции раннемодерной румынской идентичности второй половины XIX века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2016. — № 2. — С. 169-192. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2016.211>

Колосков Е.А. Македонско-греческий спор о названии: аспекты, этапы и поиски решения // *Славянский альманах*. — 2011. — Т. 2010. — С. 186-203.

Ламаш М.В. Балканский полуостров: особенности геополитических и межнациональных процессов // *Русская политология*. — 2021. — № 1. — С. 90-99. <https://doi.org/10.51180/RPS.2021.18.1.007>

Лучканин С.М. Дискуссионные проблемы румынского этно- и глоттогенеза в контексте политико-идеологических факторов и румыно-венгерской межкультурной коммуникации в Трансильвании // *Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*. — 2014. — Т. 27, № 1-1. — С. 20-24.

Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // *Вопросы философии*. — 2009. — № 11. — С. 61-77.

Парастатов С.В. «Македонский вопрос» в контексте современного геополитического процесса на Балканах // *Правовая политика и правовая жизнь*. — 2010. — № 1. — С. 128-133.

Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. — Москва: Институт славяноведения, 2009. — 154 с.

Потебня А.А. Слово и миф. — Москва: Правда, 1989. — 622 с.

Романова А.П. Амбивалентность образа монстра в современной культуре: дихотомия «свой — чужой» // *Евразийский союз ученых*. — 2015. — № 10-3. — С. 52-54.

Седакова И.А. Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме // *Славянский альманах*. — 2014. — Т. 2013. — С. 553-562.

Соболев А.Н. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. — Санкт-Петербург; München: Наука; Verlag Otto Sagner, 2013. — 264 с.

Стоянова Н.И. Турцизмы во фразеологизмах болгарского языка // *Вестник Дагестанского государственного университета*. — 2007. — № 6. — С. 102-107.

Трефилова О.В. Болгарская народная демонология: краткий обзор // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. — 2020. — Т. 15, № 3-4. — С.160-181. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.11>

Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. — Санкт-Петербург: Наука, 2005. — 431 с.

Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. — Москва: Индрик, 1999. — 376 с.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. — Москва: URSS, 2006. — 279 с.

Friedman V. Balkan Slavic dialectology and Balkan linguistics: Periphery as center // *American contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008. Vol. 1. Linguistics*. — Bloomington: Slavica, 2008. — Pp. 131—148.

Lesnichkova L. The Notion of the Foreign in Hungarian and Bulgarian Phraseologisms // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. — 2017. — Vol. 9, № 2. — P. 27—36. <http://doi.org/10.1515/ausp-2017-0015>

Lindstedt J. Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement // *Languages in Contact. Studies in Slavic and General Linguistics*. — Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 2000. — pp. 231-246. <http://doi.org/10.2307/40997168>

References:

- Belyakov, S. S. (2010) 'Serby — "chuzhak" №1 [Serbs – the alien No 1]', *Voprosy nacionalizma*, (3), pp. 128–140. (In Russian).
- Borisov, S. A. and Pilipenko, G. P. (2020) 'Czech-Serbian-Romanian Language Contacts in Romanian Banat Based on a Field Research', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (459), pp. 15–26. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/459/2>
- Foucault, M. (1999) *Les anormaux*. Paris: Gallimard. (Russ. ed.: (2005) *Nenormalnyje: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1974—1975 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka Publ.).
- Friedman, V. (2008) 'Balkan Slavic dialectology and Balkan linguistics: Periphery as center', in *American contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008. Vol. 1. Linguistics*. Bloomington: Slavica, pp. 131–148.
- Golant, N. (2012) 'Obychai, obrjady i obraz zhizni evreev v zerkale rumynskih mifologicheskikh predstavlenij [The Jews' customs, rituals and way of life as reflected in Romanian mythological ideas]', in «The Old» and «The New» in *Slavic and Jewish Cultural Tradition*. Moscow: Probel-2000 Publ., pp. 314–323. (In Russian).
- Golant, N. (2013) 'Biblejskie szjzhety v rumynskom folklоре i mifologicheskie predstavlenija rumyn o evrejah [Biblical plots in the Romanian folklore and mythological ideas of the Romanians about the Jews].', in *Oral and Written in Slavic and Jewish Cultural Tradition*. Moscow: Probel-2000 Publ., pp. 220–226. (In Russian).
- Golant, N. (2016) 'Mifologicheskie predstavlenija rumyn Oltenii i Muntenii (po materialam ekspedicii v vylchu, Gorzh, Mehedinc' i Buzeu [Mythological ideas of the Romanians of Oltenia and Muntenia (a case study of the expedition to Vâlcea, Gorj, Mehedinți and Buzău)]', *Acta linguistica petropolitana*, 12(3), pp. 27–40. (In Russian).
- Kirchanov, M. V. (2016) 'Imagining Romania spatially and bodily: «national locus» and «national body» as inventing traditions of Romanian identity in the second half of the 19th century', *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 20(2), pp. 169–192. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2016.211>
- Kirchanov, M. V. (2021) "'Culture of unknowledge" as a form of historical imagination and political culture of Russian and Bulgarian nationalism', *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*, 5(3), pp. 357–366. (In Russian). <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-3-357-366>
- Koloskov, E. A. (2011) 'Macedonian-Greek polemics on the name: aspects, stages and search for a solution', *Slavanskij al'manah (Moskva)*, 2010, pp. 186–203. (In Russian).
- Lamash, M. V. (2021) 'The Balkan Peninsula: features of geopolitical and interethnic processes', *Russian Political Science*, (1), pp. 90–99. (In Russian). <https://doi.org/10.51180/RPS.2021.18.1.007>
- Lesnichkova, L. (2017) 'The Notion of the Foreign in Hungarian and Bulgarian Phraseologisms', *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 9(2), pp. 27–36. (In Russian). <http://doi.org/10.1515/ausp-2017-0015>
- Lindstedt, J. (2000) 'Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement', in *Languages in Contact. Studies in Slavic and General Linguistics*. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, pp. 231–246. <http://doi.org/10.2307/40997168>
- Luchkanyn, S. (2014) 'Historico-linguistic disputes about latin danube and the continuity of the roman element in ethno- and glottogenesis of Romania', *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications*, 27(1–1), pp. 20–24. (In Russian).
- Lysenko, V. G. (2009) 'Knowledge of Another's as the Way of Self-Knowledge', *Voprosy Filosofii*, (11), pp. 61–77. (In Russian).
- Parastatov, S. V. (2014) "'The Macedonian Question" in the Context of Modern Geopolitical Process in Balkans', *Pravovaâ politika i pravovaâ žizn'*, (1), pp. 128–133. (In Russian).
- Plotnikova, A. A. (2009) *Materialy dlya etnolingvističeskogo izučeniya balkanoslavjanskogo areala [Materials for the ethnolinguistic study of Balkanoslavic area]*. Moscow: Institut slavjanovedeniya Publ. (In Russian).
- Potebnya, A. A. (1989) *Slovo i mif [Word and myth]*. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
- Romanova, A. P. (2015) 'A Monster image ambivalency in the contemporary culture "Own-Alien" dichotomy', *Eurasian Union of Scientists*, (10–3), pp. 52–54. (In Russian).

- Sedakova, I. A. (2014) 'Balkanisms and Turkisms: new approaches to the problem', *Slavânskij al'manah (Moskva)*, 2013, pp. 553–562. (In Russian).
- Sobolev, A. N. (2013) *Osnovy lingvokulturnoj antropogeografii Balkanskogo poluoostrova [The foundations of linguocultural anthropology of the Balkan Peninsula]*. Moscow ; München: Nauka Publ.; Verlag Otto Sagner. (In Russian).
- Stoyanova, N. I. (2007) 'Turcizmy vo frazeologizmah bolgarskogo jazyka [Turkisms in the phraseological units of the Bulgarian language]', *Herald of Daghestan State University*, (6), pp. 102–107. (In Russian).
- Trefilova, O. V. (2020) 'Bulgarian Folk Demonology: A Brief Overview', *Slavic World in the Third Millennium*, 15(3–4), pp. 160–181. (In Russian). <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.11>
- Tsivyan, T. V (1999) *Movement and path in the Balkan world model*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).
- Tsivyan, T. V (2006) *Modelj mira i ejo lingvisticheskie osnovy [Model of the world and its linguistic foundations]*. Moscow: URSS Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Евгений Владимирович Романин — аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7-9 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Evghenii Romanin — PhD-student of the Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; одобрена после рецензирования 23.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 17.06.2022; approved after reviewing 23.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.